

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Ангеліна Сингаївська – кандидат філологічних наук, професор, завідувачка кафедри англійської філології та перекладу Житомирського державного університету імені Івана Франка.

Наукові інтереси: функціональна граматики англійської мови, семантика, ідіоматика та фразеологія.

Олександр Мосейчук – викладач кафедри англійської філології та перекладу Житомирського державного університету імені Івана Франка.

Наукові інтереси: ідіоматика та фразеологія, прагматика і мовленнєвий вплив.

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОНИМНЫХ ЕДИНИЦ В СВЕТЕ
КОНЦЕПЦИИ ЗНАЧЕНИЯ А.Ф.ПОСЕВА****Евгения БЕЛИЦКАЯ (Горловка, Украина)**

У статті здійснена спроба з'ясувати можливості вивчення семантики онімів у контексті зовнішньої (логічної) семантики на тлі філософської концепції іменування О.Ф.Посева.

The paper studies the possibilities of proper names study as to their semantic value in the context of the so-called external (logical) semantics against the principles of Losev's philosophic conception of naming.

Проблема соотношения слова и вещи едва ли не древнейшая в лингвистическом мире. Это, пожалуй, единственная дискуссия в языкознании, которая по значимости сопоставляется (и подчиняется) глобальной теме: в чем, собственно, заключается сущность языка. В самом деле, ответив на вопрос о качестве соотношения слова в языке и той вещи, которая этим словом именуется, мы раскрываем онтологические механизмы бытования языка. Однако до сих пор это одна из вечных тайн человечества, которая, как следствие, не дает возможности ответить и на другой вопрос – о существовании языкового значения. Применительно к проприальным единицам языка проблема усугубляется их особым статусом, специфическим местом в языковой системе (если признавать наличие таковой). Тем не менее, данный факт не уменьшает стремления современных ономастов (автора данной статьи в том числе) постичь существо семантики собственных имен (далее в тексте – СИ). Что может быть интереснее ответа на вопрос о причинах проприального именованья, механизмах «включения» данной номинации в стабильную языковую систему, развития номинации такого типа. Попытки ответить на эти вопросы были предприняты в работах отечественных и зарубежных лингвистов: Дж. Милла, Г.Фреге, Вили ван Лангендонка, А.В. Суперанской, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, Е.С. Отина, Ю.А. Карпенко, В.М. Калинин и многих других. При этом поиски идут в двух направлениях: в области внешней семантики (на уровне теории референции, реже – теории смысла, практически никогда – на уровне семантики возможных миров) и внутренней семантики (на уровне психо- и фоносемантики, лексической и грамматической семантики, семантики текста, в настоящее время еще и в сфере когнитивной семантики). В данной статье нас интересует лишь одно из направлений изучения значения собственных имен – внешняя семантика, в частности, теории референции.

Известно, что СИ типа «Платон» или «Нью-Йорк» являются парадигмами «референциальных выражений», указывающих на нечто в окружающей действительности [8: 1]. Как следствие, современная интерпретация древней дискуссии, упомянутой выше, может звучать достаточно радикально – можно ли интерпретировать отношения между предметом и СИ, его номинирующем, отношениями референции.

Есть по крайней мере две точки зрения относительно вопроса о референциальных возможностях СИ – теория онима как жесткого десигната, связанная с именем Дж.Милла, и так называемая описательная теория СИ Г.Фреге.

Логическая концепция Дж. Милла ценна для лингвистов, поскольку ученый считал логику «частью искусства мысли», а язык признавал тривиальным носителем мысли [6: 17], таким образом, вводя логические процедуры анализа в обиход языкознания. Ориентируясь на пропозициональную конструкцию простого утвердительного предложения, Милл выделил в нем субъект, предикат и связку и разделил имена на общие и единичные. Первые могут утверждаться для неопределенного количества предметов, вторые – только для одного предмета, например: *Джон, нынешняя королева Великобритании*. Первые интерпретируются как предикатные выражения, вторые – как субъектные. Милл разграничивает также абстрактные и конкретные имена и, что более значимо, коннотирующие и неконнотирующие (денотативные) имена. Согласно Миллу, неконнотирующие имена могут обозначать либо

только субъект, либо атрибут. К таковым Милл относит СИ, абстрактные существительные (и те и другие связаны с понятием единичности). Коннотирующие имена, например, прилагательные со значением цвета, одновременно означают и субъект, и атрибут. Таким образом, СИ, по Миллу, могут означать только предмет, но не атрибутивные качества, с ним связанные. Это объясняется отсутствием у СИ сигнификативного значения. Милл называет СИ «незначащими метками».

Теория жесткой десигнации СИ не отвечает на многие вопросы, связанные с референцией, в частности, не проясняет случаев так называемой нулевой референции типа Дед Мороз, где оным не может денотировать. По Миллу, данные СИ, не имея ни коннотации, ни денотации, не могут играть сколь-нибудь существенной роли в языке. С другой стороны, согласно концепции Милля, СИ типа Евгения Николаевна и Женя, денотирующие один и тот же объект (автор данной статьи), не могут существовать, так как имеют одинаковый референт. В обоих случаях возникает вопрос о границах реального мира и его «правдивом описании» в языке. Он звучит так: можно ли интерпретировать отношения между реальными и нереальными объектами окружающей действительности и их именованиями в одних и тех же терминах. И, наконец, если следовать логике Милла, предложение типа «Это Москва» не должно иметь смысла в языке, поскольку ни одно слово в его составе не коннотирует.

Г.Фреге, автор так называемой описательной теории, разграничивал понятия смысла и референта имени [4]. Так, высказывание «Женя – это Евгения Николаевна» имеет смысл, только если помимо референции (общей для двух имен) учитывать смысл имени, то есть способ мысли о нем. Разные имена, даже при наличии общего референта, могут ассоциироваться с разными предметами, поскольку могут мыслиться по-разному. Часто это связано с восприятием предмета в разных временных и пространственных обстоятельствах.

Сложность смысла имени заключается в возможности его варьирования в зависимости от носителя. Таким образом, человек в процессе коммуникации постоянно решает задачу идентификации собственной мысли об объекте (x) с мыслью об этом же объекте собеседника, тождественной собственной (x) или нетождественной (y). В последнем случае смысл объекта уточняется/меняется до изначального равенства $x = x$. Таким образом, допускается, что имена имеют индивидуальные смыслы и некий общий для носителей смысл. Варьирования в смыслах приводят к расхождению в восприятии имени разными людьми. Крайним случаем расхождений в смыслах при тождественном референте является классический пример С. Крипке: Падеревский – дирижер и Падеревский – политик [5: 48]. Разные люди могут воспринимать одного и того же человека в «разных ипостасях». При этом они будут убеждены, что говорят о разных людях. Таким образом, тождественное имя при тождественном референте воспринимается как кореферентное. Другой случай касается известного примера Крипке о Пьере, который воспринимает СИ Лондон и Лондрес (французский эквивалент топонима) как имеющие нетождественный референт.

С точки зрения Б.Рассела, логическое СИ представляет собой простое выражение, имеющее референт [7]. Понимание имени предполагает знание его референта. Однако это знание возможно достичь двумя путями – «по описанию» либо «по ознакомлению». Простое (не логическое) собственное имя, по Расселу, является своеобразной аббревиатурой определенного описания, что предполагает (1) необязательность наличия референта имени; (2) необязательность знакомства с носителем имени для понимания имени; (3) возможность наличия у референта имени более одного имени.

Согласно концепции Б.Рассела, СИ, таким образом, представляет собой некую дескрипцию, которая может варьироваться от одного говорящего к другому или даже для одного говорящего в разных ситуациях общения.

Таким образом, при общей связи концепций Г.Фреге и Б.Рассела различия заключаются в том, что смысл имени, по Фреге, должен быть известен всем носителям языка, а Рассел, оперируя понятием ментального статуса индивидуального мыслящего, справедливо полагал, что его теория применима исключительно для идиолекта. Как справедливо отмечал Сол Крипке, одна теория заключается в том, что определенная дескрипция дает смысл имени, вторая теория фиксирует за именем определенный референт [5: 4].

Крипке возражал против соединения имен с описаниями на следующих основаниях (1) определенные дефиниции обычно цитируемые как смыслы, имеют отличный от имен модальный профиль, таким образом, они не могут быть или выражать смыслы имен; (2) для многих имен отсутствует информация, которую человек может с ней ассоциировать; (3) можно понять имя и без некоей информации о нем; (4) информация, которую ассоциируют с именем, может быть недостоверной для носителя имени.

Крипке называл СИ жесткими десигнаторами, то есть элементами, означающими во всяком возможном мире тот же объект.

Упомянутые теории, до сих пор являющиеся отправными точками для исследователей сущности семантического содержания СИ, как видим, не разрешают всех существующих в языке проблем, а в определенной мере и множат их.

В самом деле, цель теории значения – описать знание, позволяющее кому-либо понимать язык, выявить навык, включающий способность делать точные сообщения относительно того, что говорят другие участники коммуникации. Так, понимание смысла предложения «Анна пришла вовремя» заключается, на наш взгляд, не собственно в описании знания об имени «Анна» как части данного предложения. Для обладания знанием о предложении носители языка уже должны понимать имя. Таким образом, проблема заключается в сущности понимания имени. Понятно, что любое имя, имеющее носителя, обладает некоей истинной информацией, и многие имена узнаются при помощи такой информации, но ее содержание, такое очевидное для носителей, часто остается полной тайной для исследователей. Что значит понять имя – это понять референт, описать референт, с какой точностью и т.д.?

Мы используем имена с целью ассоциировать некую информацию об их носителях, но мы принимаем как само собой разумеющееся, что нет гарантии в том, что эта информация будет корректна. В самом общем смысле вывод в данной части нашей статьи может звучать следующим образом: теория референции (установление истинностных параметров высказывания) не направлена на установление необходимых условий для понимания смысла высказывания и не рассчитаны на анализ значения индивидуальных слов. Они имеют целью теоретически доказать композиционный характер языка.

Можно сказать, что в истории СИ до сих пор существует две противоположные теории значения, каждая из которых имеет свои недостатки и привлекательные стороны. Теория Фреге предлагает объяснение того, как имена могут быть изучены и использованы, как появляются различия между когнитивной значимостью и информативной идентичностью предложений, как могут существовать имена с отсутствующими носителями, как субституция кореферентных имен может не сработать для представления истинности высказывания и, наконец, как могут появляться истинные предложения, в которых отвергается существование чего-либо. Позиция Мила указывает на то, что мы знаем не уровне интуиции: имена связаны с объектами без посредства атрибутивной информации, они используются людьми, которые не разделяют значащую информацию о носителях, что они жестко десигнируют.

Кроме того, Рассел различает два вида выражений: связанных с реальностью как дескриптивная мысль, и выражения, чьи отношения с реальностью прямые и неописательные. Все вышесказанное объясняет две возможности семантического механизма для СИ в естественном языке: они могут объясняться как индивидуальные константы или напоминают определенные описания Фреге.

Напомним, что теория референции имеет целью прояснить суть соотношения слова и вещи. Кроме описанных концепций в отечественном языкознании существует мысль, высказанная С.Г.Булгаковым относительно того, что сущность слова и его содержания является онтологической. По образному выражению исследователя, нам "остается просто, смиренно и благочестиво признать, что не мы говорим слова, но слова, внутренне звуча в нас, сами себя говорят, и наш дух есть при этом арена самоидеации вселенной, ибо все может быть выражено в слове" [2: 23].

Данная теория, в отличие от традиционной, так называемой номиналистической, согласно которой предмет как таковой является лишней категорией, а название вещи – лишь

условностью, созданной для удобства общения, концепция смысла слова, разработанная В.С.Соловьевым и П.А.Флоренским, была последовательно развернута в произведениях А.Ф.Лосева как способ вскрыть собственный, самостоятельный и независимый смысл слова, узнав который, можно объяснить и каждую частность употребления слова в том или ином контексте. С точки зрения А.Ф.Лосева, предметы существуют независимо от человеческого сознания в единстве собственного смысла и именованя. Логическая структура предмета исследователем представлена как некая сущность, имеющая эйдос, пневму, символ, миф и Имя. В своей статье ранее [1: 195-196] мы подробно остановились на анализе данных категорий как структуры логических категорий предмета. В данной работе мы бы хотели сконцентрироваться на возможности использования данной концепции в теории референции, опирающейся на номиналистическую концепцию соотношения слов и вещей, согласно которой имя вещи и есть сама вещь.

В самом деле, если признать слово и вещь двумя сторонами единого целого, станет понятно, что вещь можно понять только в человеческом сознании (инобытии). Понять вещь значит «соотнести ее с тем или другим ее окружением и представить ее себе не просто как ее саму, но в свете того или другого окружения, в свете той или другой вещи или момента из этого окружения. ... Раньше мы еще не знали, что такое данная вещь, и вместо вещи имели пустое место. Это значило, что нужно было провести первичную границу и очертание для получения самой вещи. Теперь вещь получена, и – мы снова сравниваем ее со всем прочим. Сравнение снова обогащает вещь. Раньше мы имели контуры и очертание. Теперь начинаем производить различия внутри полученных контуров и очертаний. И мы видим, что смысл вещи, это – одно, а ее соотношение с другими вещами – совершенно другое. И вот, когда мы даем этой вещи какую-нибудь название, слово, имя, – это значит, что мы уже соотнесли ее со всем другим и выбрали то, в свете чего мы ее хотим понять и с чем сравниваем. Это и значит, что мы понимаем вещь» [3: 823–824]. Понимание вещи как процесс рассматривается Лосевым через призму логической структуры слова, которую мы уже также анализировали в наших работах [1: 197]. В данной статье мы лишь еще раз покажем таблицу корреляций логической структуры вещи и слова (по Лосеву):

Логическая структура вещи	Логическая структура слова
эйдос	ноэма
пневма	семема
символ	символ
миф	история слова
Имя	идея

Таким образом, концепция А.Ф.Лосева как способ интерпретации соотношения СИ и явлений действительности (примеры такого анализа можно обнаружить в работах П.А.Флоренского) – это совершенно новый подход, использование которого может привести к совершенно неожиданным выводам относительно проблем, озвученных нами в начале статьи: каковы причины проприального именованя, механизмы «включения» проприальной номинации в стабильную языковую систему, каковы законы развития онимной номинации. Как представляется, данный аспект рассмотрения СИ может быть перспективным для раскрытия существа ономастической семантики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беліцька Є.М. Семантика оніма // Антологія поетонімологічної думки / отв. ред. Е.С.Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – С.190–198.
2. Булгаков С.Н. Философия имени. Санкт-Петербург, 1999. – 448 с.
3. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль: Рос. открытый ун-т, 1993. – 958 с.
4. Frege, G. On sense and meaning// Collected Papers on Mathematics, Logic and Philosophy B. McGuinness (ed.) – Oxford: Basil Blackwell, 1984. – P. 157–177.
5. Kripke, S. Naming and Necessity. – Oxford: Basil Blackwell. 1972/1980. – 188 p.
6. Mill, J. S. System of Logic. – London: Parker, 1843. – 658 p.
7. Russell, B. Problems of Philosophy. – Oxford: Oxford University Press, 1912/1959. – 176 p.
8. Sainsbury, R.M. Reference without Referents. – Oxford: Clarendon Press, 2007. – 263 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Євгенія Беліцька – кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської філології, проректор з міжнародних зв'язків Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов.

Наукові інтереси: ономастика, семантика, методика викладання англійської мови.